
Евгений Меркулов
Тихие места: рассказы, чтобы выдохнуть

Евгений Меркулов

Тихие места: рассказы, чтобы выдохнуть

«Автор»
2026

Меркулов Е. Р.

Тихие места: рассказы, чтобы выдохнуть / Е. Р. Меркулов — «Автор», 2026

Иногда самое важное — не громкий сюжет, а минута тишины, в которую можно просто посидеть, посмотреть в окно и почувствовать, как уходит напряжение. В этом сборнике — десять историй, каждая из которых становится таким «тихим местом»: старая библиотека, берег после дождя, ночной автобус, двор под фонарём, мастерская часовщика.Здесь нет надрыва и скримеров, зато есть тепло чашки чая, скрип досок на пристани, тиканье часов, запах мокрого песка и ровный гул города. Это рассказы-паузы, которые помогают замедлиться и напомнить себе: спешить некуда.«Тихие места» — для тех дней, когда мир кажется слишком громким, а тебе нужно всего лишь пять минут покоя.

© Меркулов Е. Р., 2026
© Автор, 2026

Евгений Меркулов
Тихие места: рассказы, чтобы выдохнуть

Тихие места

Рассказ 1. Горшок с геранью

Катя проснулась раньше будильника. Это случалось почти каждый день: она открывала глаза ровно в 6:17, будто внутренний механизм был настроен на эту минуту. За окном ещё стояла ночная серость, но в комнате уже чувствовалось приближение утра — воздух становился тоньше, тише, как будто город на секунду задерживал дыхание.

На подоконнике стояла герань. Не какая-то особенная, не редкая, не капризная. Просто старая, с толстыми стеблями и листьями, которые казались чуть шершавыми, будто знали слишком много. Катя купила её три года назад в маленьком цветочном у метро, когда возвращалась с собеседования, на которое не пошла. Тогда она просто остановилась у лотка, посмотрела на эти плотные листья и подумала: «Пусть будет». И с тех пор герань стала её маленьким якорем.

Каждое утро Катя протирала листья влажной тряпочкой. Не ради красоты, а ради того самого ощущения: прохладная, чуть липкая поверхность листа под пальцами, тихий шелест, когда тряпочка скользит по прожилкам. Это был её маленький ритуал, который не требовал смысла, только присутствия.

Сегодня она заметила новый бутон. Он прятался между двумя крупными листьями, маленький, плотный, будто ещё не решался показаться. Катя улыбнулась и осторожно провела пальцем по краю листа рядом с ним. Ей нравилось, что есть вещи, которые растут без её усилий: она просто поливала, протирала, поворачивала горшок к свету, а остальное делало время и солнце.

Пока закипал чайник, Катя смотрела, как первые лучи ложатся на подоконник. Сначала они касались только угла, потом медленно ползли по стеклу, забирались на горшок, подсвечивали листья, и те становились почти прозрачными. В эти минуты всё лишнее будто оседало где-то внизу, за порогом, и оставалось только простое: свет, тепло, запах влажной земли и тихий стук чайника.

Она заварила чай в старой керамической кружке с крошечной трещиной на боку. Трещина была давняя, почти незаметная, но Катя всегда на неё смотрела, когда пила. Она напоминала, что вещи живут, стареют и всё равно остаются с тобой.

За окном город начинал просыпаться. Где-то хлопнула дверь, загудел первый автобус, кто-то громко засмеялся на лестнице. Но в этой маленькой кухне всё оставалось на своих местах: герань тянулась к свету, кружка грела пальцы, а новый бутон всё ещё прятался, будто знал, что спешить некуда.

Катя сделала глоток, закрыла глаза и на секунду представила, что весь мир состоит из таких вот тихих минут: когда ничего не нужно решать, никуда не нужно бежать, а можно просто сидеть и смотреть, как свет ползёт по подоконнику. И этого было достаточно.

Рассказ 2. Пристань в ноябре

Ноябрь на пристани пах солью, мокрым деревом и чем-то ещё, неуловимым, будто сама вода хранила в себе отголоски лета и теперь тихо их отдавала. Антон пришёл сюда не ради вида и не ради прогулки. Он пришёл, чтобы перестать слышать собственный голос в голове.

Пристань была старой, доски местами прогнили, но держались. Они скрипели под ногами, и этот скрип был почти музыкальным: неровным, живым, как дыхание старого дома. Антон остановился у перил, посмотрел на воду. Волны били о сваи не яростно, а ровно, будто отсчитывали время. Ему нравилось это ощущение: что где-то есть ритм, который не зависит от него, от его тревог, от срочных писем и непрочитанных сообщений.

Ветер забирался под куртку, холодил шею, но Антон не застёгивался. Ему нужен был этот холод, чтобы почувствовать себя настоящим, плотным, существующим. Он глубоко вдохнул, и солёный воздух будто вымыл что-то внутри, как дождь смывает пыль с окон.

Рядом на столбе сидела чайка. Она смотрела на Антона с таким видом, будто знала о нём всё и уже вынесла вердикт: «Ничего особенного, но жить можно». Антон улыбнулся. Чайки всегда казались ему немного циничными, и это нравилось: они не пытались тебя утешить, просто жили рядом.

Он достал термос, налил чай. Горячий, крепкий, с лёгкой горчинкой. Сделал глоток и почувствовал, как тепло медленно расходится по телу, вытесняя холод. Не до конца, не полностью, а ровно настолько, чтобы можно было стоять дальше и смотреть на воду.

Где-то далеко гудел корабль. Звук был низким, протяжным, будто кто-то вздохнул на другом конце залива. Антон прислушался, пытаясь поймать этот звук и удержать его в себе, как держат в ладонях тёплый камень. Ему хотелось запомнить это мгновение: скрип досок, крик чайки, ровный стук волн, терпкий вкус чая и ощущение, что он здесь, на этой старой пристани, и этого достаточно.

Когда солнце начало садиться, небо стало серым с розовыми прожилками, как старое полотно, на котором кто-то пытался нарисовать закат, но не успел. Вода потемнела, стала почти чёрной, и в ней отражались огни города, дрожащие и неуверенные. Антон стоял и смотрел, как день медленно уходит, уступая место сумеркам, и чувствовал, как внутри тоже что-то затихает.

Он допил чай, убрал термос в рюкзак и пошёл по пристани обратно, слушая, как под ногами скрипят доски. Ветер всё так же гудел в щелях, чайка всё так же смотрела с высоты, а волны всё так же били о сваи, отсчитывая время, которое теперь казалось не врагом, а союзником.

И когда Антон вышел на набережную и обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на пристань, ему показалось, что она улыбается ему вслед своими старыми, скрипучими досками. И он улыбнулся в ответ.

Рассказ 3. Пустая станция метро

Станция «Лесная» была одной из тех, где эхо жило дольше, чем люди. Лиза знала это по шагам: когда ты идёшь по платформе, звук не исчезает сразу, а тянется за тобой, будто не хочет отпускать. Сегодня она пришла сюда не для того, чтобы куда-то ехать, а чтобы послушать эту тишину.

Поезд ушёл, и станция на секунду замерла. Не мёртво, не пугающе, а как замирает комната, когда все выходят, и остаётся только воздух, который ещё помнит голоса. Лиза стояла у края платформы и смотрела в тёмный тоннель. Там не было ничего — и в этом «ничего» было всё: покой, отсутствие спешки, свобода от ожиданий.

Гул вентиляции звучал как ровный, спокойный пульс города. Лиза закрыла глаза и прислушалась: к этому гулу, к далёкому эху шагов, к собственному дыханию. Ей казалось, что если она будет слушать достаточно долго, то сможет разобрать в этом шуме что-то важное, что-то, что обычно теряется в суете.

Плитка на стенах была старой, местами потрескавшейся, но от этого казалась только честнее. Она не пыталась выглядеть новой, не притворялась. Она просто была, как и сама станция, как и этот вечер, как и Лиза, которая стояла здесь и пыталась собрать себя по кусочкам.

Кто-то прошёл по переходу, шаги прозвучали коротко и резко, как щелчок выключателя. Лиза открыла глаза и посмотрела туда, где мелькнула тень. Человек исчез за поворотом, и снова стало тихо. Только гул, только эхо, только её дыхание.

Она присела на край скамейки и достала блокнот. Не для того, чтобы писать, а чтобы держать его в руках, чувствовать тяжесть бумаги и шероховатость обложки. Иногда ей казалось, что слова — это якоря, которые удерживают тебя на месте, не дают унестись в тревожные мысли.

Мимо прошёл дежурный, кивнул ей, как будто знал, зачем она здесь. Лиза кивнула в ответ, и в этом кивке было больше, чем в любом разговоре: «Я вижу тебя. Ты в порядке. Здесь безопасно».

Когда следующий поезд появился из тоннеля, его свет был ярким, почти слепящим. Он ворвался на станцию, как шум в тишину, и на секунду всё изменилось: воздух стал плотнее, звуки — громче, люди — ближе. Лиза встала, поправила шарф и шагнула к краю платформы.

Двери открылись, люди вышли, люди вошли. Лиза села у окна и посмотрела, как станция исчезает в темноте, уступая место туннелю. Поезд ехал вперёд, унося её дальше, но она знала, что эта тишина останется с ней: в шуме колёс, в гуле вентиляции, в эхе шагов по пустой платформе.

И когда она выйдет на своей станции и пойдёт по улице среди людей, среди шума и суеты, она будет знать, что где-то есть место, где можно просто стоять и слушать, как город дышит. И этого достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.